

RU

Образ Крыма в поэзии второй половины XX столетия (на материале антологии «Крымские страницы русской поэзии» (1975-2015))

Гудкова С. П., Шеянова Е. О.

Аннотация. Настоящая статья посвящена изучению образа Крыма в современной отечественной поэзии. Цель исследования – выявить специфику воплощения «крымского текста» на материале антологии «Крымские страницы русской поэзии» (1975-2015). Научная новизна работы определяется тем, что в ней системно осмыслен образ Крыма, рассмотрены способы и приёмы его репрезентации в отечественной поэзии 1970-2000-х годов. В результате установлено, что образ Крыма в поэзии второй половины XX столетия создаётся через многообразные инварианты крымского мифа: «христианского», «восточного», «курортного». При создании «христианского мифа» поэты не столько используют библейские образы и мотивы, сколько передают нравственные ценности и идеалы религиозного мировидения (творчество К. Кедрина, М. Амелина). «Восточный» миф реализуется через воссоздание мусульманского прошлого полуострова, изображение экзотических картин и необычных деталей (поэзия Б. Чичибабина, Т. Синицыной). Амбивалентный образ Крыма как места отдыха и культа еды для туриста, с одной стороны, и космическое пространство, стремящееся в вечность от прибрежной суеты и пошлости, – с другой, реализуется в «курортном» мифе (лирика И. Евсы, Н. Аришиной).

EN

Image of Crimea in the poetry of the second half of the 20th century (based on the anthology “Crimean Pages of Russian Poetry” (1975-2015))

S. P. Gudkova, E. O. Sheyanova

Abstract. The article is devoted to studying the image of Crimea in modern Russian poetry. The aim of the research is to determine the specifics of the embodiment of the “Crimean text” using the material of the anthology “Crimean Pages of Russian Poetry” (1975-2015). The scientific novelty of the work is determined by the fact that it contains a monographic interpretation of the image of Crimea and considers the ways and techniques of its representation in Russian poetry in the second half of the 20th century. As a result, it was found that the image of Crimea in the poetry of the second half of the 20th century is created through the diverse invariants of the Crimean myth: the “Christian” myth, the “Eastern” myth, and the “Resort” myth. At the same time, poets do not so much use biblical images and motifs when creating the “Christian” myth, as they convey moral values and ideals of a religious worldview (works by K. Kedrin, M. Amelin). The “Eastern” myth is realized through the recreation of the Muslim past of the peninsula, the depiction of exotic views and unusual details (poetry by B. Chichibabin, T. Sinitsyna). The ambivalent image of Crimea as a place of relaxation and a cult of food for tourists, on the one hand, and outer space striving for eternity from the coastal bustle and vulgarity, on the other hand, is realized in the “Resort” myth (lyrical poetry by I. Evsa and N. Arishina).

Введение

Сегодня Крымский полуостров привлекает особенное внимание своей историей, мифологией, географией, фауной и флорой и т. п. Крым становится объектом изучения разных областей научного знания. Не является исключением и отечественное литературоведение, рассматривающее «крымский текст» как особое топонимическое пространство со своей древнейшей историей (Беспалова, 2006; Курьянов, 2014; 2019; Лисицына, 2019; Новикова, 2000; Орехов, 2017). Начиная своё осмысленное развитие в романтических произведениях А. Мицкевича, А. С. Пушкина, С. С. Боброва, К. Н. Батюшкова, укрепляясь в лирических циклах А. К. Толстого и П. А. Вяземского и, наконец, получив особый статус благодаря последовательной деятельности М. А. Волошина,

«крымский текст» по праву становится в один ряд с другими топическими текстами отечественной поэзии. Важный этап в развитии «крымского текста» – создание антологии «Крымские страницы русской поэзии: антология современной поэзии о Крыме» (1975-2015) с предисловием А. Ю. Коровина и А. Э. Скворцова, цель которой – собрать тексты, «посвящённые Крыму, Коктебелю и Волошину, и детонировать вулканический карадагский взрыв любви» (Крымские страницы..., 2015, с. 6).

Проблема осмысления «крымского текста» в современной русской поэзии только начинает привлекать внимание исследователей. Впервые сам термин был упомянут А. П. Люсым (2003), в работе которого «крымский текст» был рассмотрен прежде всего как явление культурологическое. Исследователь предложил теоретическое обоснование основных этапов развития «крымского текста», а также высказал предположение о первичности таврического мифа. С. О. Курьянов (2019), помимо литературоведческого осмысления «крымского текста» как топического сверхтекста русской литературы и уяснение его генезиса, структуры и специфики функционирования, обосновывает и разграничивает понятия «крымский мотив», «образ Крыма» и «крымская тема». В начале XXI в. появляется ряд работ, посвященных специфике репрезентации образа Крыма в русской литературе. Так, М. П. Билык (2006) выявляет поэтологические особенности «Крымского цикла» И. А. Бунина. Исследователи рассматривают пушкинский «Бахчисарайский фонтан» как воплощение крымского мифа (Новикова, 2000); изучают творчество В. В. Набокова сквозь призму крымской тематики (Беспалова, 2006); выявляют особенности топосов, семиосферы, мотивного комплекса «крымского текста» в русской литературе (Лисицына, 2019; Орехов, 2017).

Таким образом, актуальность настоящего исследования заключается в возросшем интересе к образу Крыма в русском культурном и литературном сознании. Выявление поэтологических особенностей лирических произведений, посвященных крымской тематике, где наиболее ярко воплотилась топонимика и ономастика обозначенного географического пространства, продиктовано необходимостью дальнейшего осмысления «крымского текста» в русской поэзии. Изучение художественных особенностей «крымского текста» в контексте отечественной лирики второй половины XX в., а также динамики его развития обуславливает возможность объективных выводов об основных тенденциях развития самого «крымского текста» в русской словесности.

Теоретическую базу настоящего исследования составили, во-первых, работы, посвященные изучению топических текстов русской литературы (Абашев, 2008; Вейсман, 2005; Гребнева, 2009; Топоров, 2003); во-вторых, исследования, рассматривающие функционирование «крымского текста» в отечественной литературе (Лисицына, 2019; Орехов, 2017). В частности, основополагающей для нас явилась классификация крымского мифа с точки зрения его семантического содержания и исторического развития – это мифы «христианский», «восточный», «райский», «античный», «военный» и «курортный» (Курьянов, 2019).

Материалом исследования явились произведения К. Кедрина, М. Амелина, Б. Чичибабина, Т. Синицыной, И. Евсы и др., включённые в следующую антологию:

- Крымские страницы русской поэзии: антология современной поэзии о Крыме (1975-2015) / Фонд конкурсных чтений «Живая классика»; сост., предисл. А. Ю. Коровин, А. Э. Скворцов. СПб.: Алетейя, 2015.

Задачами настоящего исследования стали: во-первых, выявление особенностей художественного воплощения образа Крыма в отечественной поэзии второй половины XX столетия; во-вторых, рассмотрение инвариантов крымского мифа на материале крымской антологии.

Ключевыми методами явились: метод целостного анализа художественного произведения, позволивший проанализировать поэтологические особенности текстов антологии «Крымские страницы русской поэзии»; типологический, благодаря которому рассмотренные тексты были изучены в соответствии с классификацией крымского мифа, а также сравнительно-исторический, с помощью которого были сопоставлены поэтические тексты в диахроническом и синхроническом аспектах.

Практическая значимость исследования состоит в том, что его материалы, результаты и общие выводы могут быть использованы в вузовских курсах теории литературы, истории русской литературы, спецкурсах и спецсеминарах, посвященных отечественной поэзии XX в.

Обсуждение и результаты

Полуостров Крым в силу своего географического положения и особенностей исторического развития всегда находился под влиянием самых разных культур, и многоликость его поэтического потенциала в полной мере воплотилась в текстах антологии «Крымские страницы русской поэзии» (1975-2015). В ней собрано 544 стихотворения 119 авторов, написанные в сорокалетний период после основания в Коктебеле волошинского Дома Поэта и представляющие богатейший с точки зрения тем, образов и форм материал, который был классифицирован в соответствии с инвариантами крымского мифа.

Миф «христианский», или миф о Крыме как святой земле – колыбели русского Православия, складывался благодаря целому ряду херсонесских христианских сказаний, житий («Житию Константина Философа», «Житию святых Ефрема, Василия, Евгения, Агафодора, Елпидия, Еферия и Капитона») и других произведений древнерусской литературы, наиболее ярким из которых является «Корсунская легенда», формировался в сознании древнерусских книжников и читателей.

В XX столетии многих поэтов, обращавшихся к крымской тематике, объединяет общее восприятие крымской земли как духовного пространства. Ключевой образ Нового Завета, да и всего христианского вероучения – образ Христа – переносится в Крым: полуостров становится новой священной землёй, по которой ступал Спаситель. Например, в стихотворении К. Кедрова «Крест» лирический герой по-новому осмысливает распятие Иисуса, воплощая его в ином географическом пространстве:

Поднимается радужный крест из стрекоз
пригвождается к Господу взор
распинается радужно-светлый Христос
на скрещении моря и гор (Крымские страницы..., 2015, с. 172).

При этом образ Сына Божьего, известный нам по каноническим текстам Библии, в которой он предстаёт в человеческом обличье, со всеми недугами физической плоти, в тексте К. Кедрова принципиально изменяется: для поэта он становится образом одновременно креста, солнца и света, эфемерным, но всепоглощающим онтологическим началом. Христос превращается в глазах лирического героя в бестелесный источник всего космоса, состоящий из дня и ночи, солнца и луны, гор и моря, мужчины и женщины.

Отношение к религии как определённого абсолюту гуманизма, единственно способного объединить всё человечество в общем духовном порыве, звучит в стихотворении М. Амелина «Храм с Аркадой». Лирический герой здесь ступает на землю, благословлённую самим Богом, посещает его храм, расположенный на земле. Для поэта Бог – это одновременно и Аллах у мусульман, и Яхве у иудеев, и Иисус у христиан. Концепция образа Единого Бога, покровителя всего мира, только исторически называемого разными именами у разных народов, реализуется в тексте благодаря многочисленным отсылкам к одной общей по своей сути (часто и по первоисточнику) молитве-обращению, провозглашающей веру в единого Творца: это «Отче наш» (церковнославянский вариант), «Ля илляха илля-Лла» (арабский), «Патэр ностэр» (греческий), «Шма Исраэль» (иврит), «Фатэр унзэр» (немецкий) и «Хайр мэр» (армянский). Географической точкой соединения вероисповеданий становится Крым: здесь расположен описанный автором «Храм пяти конфессий» в Судакской крепости:

все были некогда здесь, а ныне –
в открытый с восьми до восьми музей,
где фрески, михраб и разноязычные
по стенам надписи, вход свободный (Крымские страницы..., 2015, с. 19).

Это один из самых наглядных примеров удивительного взаимодействия разных цивилизаций на крымской земле. М. Амелин с помощью изображения культовой постройки, пережившей историю частых смен одной системы на другую, гонений, убийств, всё-таки провозглашает победу веры над религией, духовного над мирским, человека над ритуалом:

и внемлет мольбам одинаково Бог
всего разобшённого человечества (Крымские страницы..., 2015, с. 19).

Очевидно, что в текстах «Крымской антологии» поэты, если обращаются к библейским образам, зачастую интерпретируют их не через призму христианства, а сквозь широкий угол взгляда на религию: им принципиально важно не само конкретное лицо Христа или Аллаха, но главные общечеловеческие идеи любви, гуманизма, терпимости, милосердия, родства всех людей на земле и вечности после смерти.

Трансформация «христианского» мифа в миф «восточный» происходит в связи с нашествием татаро-монголов и с последующим образованием в XV в. Крымского ханства – тогда в общественном сознании возникает образ мусульманской страны с его чуждыми культурой и религией. Этот инвариант мифа противопоставлен «христианскому»: христианство, воспринимаемое как светоч культуры, сменяется «чужим» исламским влиянием. Впервые новое видение Крыма появляется уже в произведениях Куликовского цикла – «Задонщине», «Сказании о Мамаевом побоище», а также имеет место и в повестях о взятии Азова, которые, с точки зрения функционирования «восточного» мифа, подробно рассмотрел С. О. Курьянов (2019). Вторая половина XX в., частично следуя за древнерусскими авторами, предлагает собственное поэтическое видение «восточного» крымского мифа.

Главной чертой стихотворений становится изображение экзотики через непривычные «северу» быт, традиции, язык, нравы – именно так реализуется оппозиция «своё – чужое». Например, Б. Чичибабин в цикле «Судакские элегии», представленном в антологии отрывочно, создаёт именно такое противопоставление во втором стихотворении «Настой на снах в пустынном Судаке...», в котором Крым с пришедшей восточной культурой воспринимается лирическим героем как по-своему уникальный и прекрасный, но потерявший исконную святость топос:

Мне с той землей не быть накоротке,
она любима, но не богоданна.
Алчак-Кая, Солхат, Бахчисарай...
Я понял там, чем стал Господень рай
после изгнания Евы и Адама (Крымские страницы..., 2015, с. 418).

Однако непривычность восточной крымскотатарской традиции только усиливает притяжение к полуострову, его пейзажам, смешению разных исторических пластов, которые образуют ни на что не похожий образ: «...и всё кругом – такая не Россия» (Крымские страницы..., 2015, с. 418). Пространство Крыма с точки зрения «восточного» мифа у Б. Чичибабина – это желанный Эдем, но он вторичен, потому что был воссоздан на обломках более древних цивилизаций: сюда многие века стекались разные народы, религии, языки.

Несомненно, отдельную роль играет образ Бахчисарая, древней столицы Крымского ханства, который по настоящему открыл для русского читателя А. С. Пушкин поэмой «Бахчисарайский фонтан». В стихотворении Т. Синицына «Бахчисарай» город предстаёт заброшенной колыбелью насыщенной некогда жизни. Разрушенные дворцы, пещеры, могильные камни – всё, что осталось от былого расцвета:

Уходит время по отрогам горным.
 Колючих роц сухие псевдонимы,
 Да имена – позарастали тёрном.
 И страшно, если так позарастаем –
 И мы (Крымские страницы..., 2015, с. 386).

Очевидно, что «восточный» инвариант мифа о Крыме позволяет поэтам «Крымской антологии» воссоздать крымско-татарский колорит, его экспрессивность и силу влияния на христианский мир. Тексты, которые интерпретируют «восточный» миф, предлагают два противоположных взгляда на мусульманский Крым: с одной стороны, поэты видят лишь рассыпавшиеся, хотя и величественные остатки прошлого; с другой – обращаются к памяти предков и поэтически реставрируют красоту и уникальность обычаев Востока.

Совсем иной в своем содержательном наполнении, контрастный предыдущим, реализуется в Крымской антологии миф «курортный», который, по мнению М. В. Строганова, восходит к прозаическому творчеству А. П. Чехова («Живой товар», «Скучная история», «Дама с собачкой» и др.). В поэзии детально разработанный текст о Крымской земле как курорте появляется со второй половины XX в. Для авторов этого периода курорт становится особым топосом, в рамках которого разворачивается уникальная жизнь отдыхающего, жизнь туриста. Авторы со всей широтой разворачивают в своих стихотворениях описания отдыха, местных развлечений, еды и типизируют образ курортника. Например, в стихотворении Т. Алферовой «А море осталось прежним...» находим длинные ряды ассоциаций, которые можно считать определёнными маркерами крымского курорта:

В них розовые креветки,
 бугорчатые крабы
 и всякие дикие рыбы
 в коралловых булькают ветках.
 И выше – песок, а выше –
 инжир осыпает крышу,
 и пьющие персик осы,
 и ослик длинноволосый.

Фотограф бредёт по пляжу... (Крымские страницы..., 2015, с. 16).

Перечисление нарочито бытовых и типичных деталей позволяет автору создать обобщённый образ Черноморского побережья – приземлённого, близкого к пошлomu. Важную роль в стихотворении играет антитеза: лирическая героиня довольно объёмному ряду понятий противопоставляет только одно – море как нечто вечное, неизблемое, что усиливает пропасть между земным и духовным, обыденным и желанным, пробуждая романтический конфликт в душе героини.

Стихотворение И. Евсы «Коврами застланный восточный дастархан...» предоставляет на суд читателей образ крымского курорта как места тотального упрощения человеческой личности. Способствует этому уже встречавшийся нам приём перечисления деталей, олицетворяющих туристический отдых: «толпа курортников», «мадера», «отполированный волною сердолик», «хребет холма», «хлопя пены» и др. (Крымские страницы..., 2015, с. 115). Очевидно, зачастую курортная среда в произведениях русских поэтов предстаёт замкнутой в самой себе.

Напротив, абсолютно ироническое осмысление типичных черт отдыха встречаем в «Четырёх стихотворениях о Борисе, без преувеличений, но с прикрасами» А. Ахматова, который строит свой текст на основе сменяющихся друг друга динамичных событиях-моментах: «изгибы пляжа повторяет чайка», «бреду по жёсткой гальке», «тает очередь у серой будки», «проходит лайнер мраморный» и т. д. Появляются элементы еды – важной и яркой составляющей произведений «курортного» мифа о Крыме: вино, закуска, «марковча и жареный картофель». Наивысшая степень иронии – в финальной строфе:

Здесь худшее, что, кажется, бывает
 В счастливой пляжной жизни человека –
 Когда на землю мясо выпадает
 Из тёплого конверта чебурека (Крымские страницы..., 2015, с. 27).

Курорт предстаёт своеобразной идиллией и одновременно выступает как замкнутый топос со своими рамками, законами и смыслами, которые по-своему прочитывает А. Ахматов.

Совсем иное мировосприятие человека, отдыхающего в Крыму, воплощено в стихотворении Н. Аришиной «У понта». Тихое, однообразное и шаблонное существование курортника становятся причиной не удручающего внутреннего состояния, скуки и удовлетворённости, а ощущения свободы и лёгкости. Именно высвобождение от суеты и сложного быта, стремление быть, а не обладать вещами становятся для лирической героини теми важными мировоззренческими принципами, которые помогают человеку сохранить простоту и свободу даже в условиях картинного курорта:

От дыма можжевелового плача,
 Не от того, что взяли жизнь взаймы,
 У понта мы пробудем до зимы (Крымские страницы..., 2015, с. 23).

Крым преобразуется, и «курортный» миф начинает существовать наравне с «райским» мифом, который характеризуется представлениями о полуострове как Эдемском саде, гармоничном и прекрасном, а заключительные строки отсылают также и к мифу «античному»:

Из фляги льётся лучшее вино.
 Луна не помещается в окно,
 но вольно дышит небо над террасой.

Затих очаг, подёрнулся золой.

А эта жизнь придумана былой

прекрасной средиземноморской расой (Крымские страницы..., 2015, с. 23).

Таким образом, важнейшей чертой проанализированных текстов, реализующих «курортный» миф о Крыме, справедливо становится обличение двойственного начала. Неопределённость в оценке поэтами крымского отдыха рождает для художественного осмысления самые разные грани курорта. С одной стороны, мы наблюдаем яркие ряды ассоциаций, перечни деталей туристического обихода, которые своей насыщенностью постепенно убивают в личности духовность, стремление к искусству, человечность. С другой стороны, перед нами раскрывается полуостров Крым как пространство древней природы с её свободным устремлением в вечность.

«Античный» и «киммерийский» мифы о Крыме, тесно переплетаясь, также интерпретируются в текстах антологии «Крымские страницы русской поэзии» и требует пристального изучения. Важнейшая роль в прочном становлении художественного образа Крыма и появлении обобщающего звена для ранее созданных текстов – мифологического образа Киммерии, восходящего к «античному» мифу, – принадлежит М. А. Волошину. Этот аспект был детально рассмотрен в работе Е. О. Шеяновой (2023). Авторы текстов конца XX в., остро ощущая нехватку внутренних и внешних ресурсов для собственного мифотворчества, снова и снова обращаются к образу Киммерии, но в то же время творят новый миф о Крыме, переплетённый с образом М. А. Волошина. Поэты становятся «продолжателями дела своего коктебельского предшественника и остаются хранителями и интерпретаторами древнейшей истории полуострова» (Шеянова, 2023, с. 263).

Как мы смогли убедиться, Крым становится символическим пространством, в котором переплетаются христианские, мифологические, восточные мотивы и образы. Это не просто место отдыха с экзотическими природными ландшафтами, а своего рода хранилище исторической памяти.

Заключение

Таким образом, мы пришли к следующим выводам. Анализ стихотворений о Крыме, созданных во второй половине XX столетия, с точки зрения мифологического аспекта, демонстрирует огромный исследовательский потенциал как материалов антологии «Крымские страницы русской поэзии» (1975-2015), так и «крымского текста» в целом.

Для стихотворений К. Кедрина, М. Амелина, в которых воссоздаётся «христианский» миф, характерно не столько использование библейских образов и обращение к сюжетам Писания, сколько создание нового облика мира, в котором религия становится важнейшей ценностью, диктует идеалы и формирует широту мировоззрения. «Восточный» миф поэты антологии трактуют неоднозначно: для одних (Т. Сеницына) мусульманское прошлое полуострова уже ушло в небытие, перестало играть важную культурную роль, для других (Б. Чичибабин) – оно не просто сохранилось во всей красочности, но и продолжает влиять на жизнь Крыма. Общее место в произведениях «восточного» мифа – изображение элементов экзотики, необычных деталей быта, «чужих» традиций. Продолжающаяся мифологизация М. А. Волошина, абсолютное признание поэтами его роли одновременно перекликается с тоской из-за невозможности создать качественно новый миф. В некоторой оппозиции к названным выше находятся стихотворения, интерпретирующие «курортный» миф о Крыме. Главная черта этих произведений – двуплановость изображения полуострова, которая выражается или в поэтическом восприятии Крыма как типичного черноморского курорта (с многочисленными описаниями видов отдыха, еды, толп туристов и постоянным мотивом скуки), или в совсем ином – космическом – осмыслении пространства, стремящегося к высвобождению в вечность (И. Евса, Н. Аришина).

Перспективой исследования является дальнейшее изучение художественной специфики «крымского текста» в творчестве современных поэтов, которое, с одной стороны, позволит выявить новые ракурсы в интерпретации образа Крыма, а с другой – станет весьма продуктивным для понимания особенностей поэтического процесса XX в. в целом.

Источники | References

1. Абашев В. В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь: Кн. изд-во, 2008.
2. Беспалова Е. К. Крымский макромиф в жизни и творчестве В. В. Набокова: дисс. ... к. филол. н. Симферополь, 2006.
3. Бильяк М. П. «Крымский цикл» произведений И. А. Бунина: проблематика, тематика, поэтика: дисс. ... к. филол. н. Симферополь, 2006.
4. Вейсман И. З. Ленинградский текст Сергея Довлатова: дисс. ... к. филол. н. Саратов, 2005.
5. Гребнева М. П. Концептосфера флорентийского мифа в русской словесности. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009.
6. Курьянов С. О. Крымский текст в русской литературе: генезис, структура, функционирование: дисс. ... д. филол. н. Симферополь, 2014.
7. Курьянов С. О. Тайный ключ русской литературы. Формирование и становление крымского текста в русской литературе X-XIX веков: монография. Симферополь: Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского, 2019.

8. Лисицына Е. Ю. Крымский миф в русской литературе рубежа XIX-XX вв.: дисс. ... к. филол. н. Симферополь, 2019.
9. Люсый А. П. Крымский текст русской культуры и проблема мифологического контекста: автореф. дисс. ... к. культ. М., 2003.
10. Новикова М. А. «Бахчисарайский фонтан» А. С. Пушкина как «Крымский миф» // Пилигримы Крыма – Осень'99: IV Крымская международная научно-практическая конференция (Крым, г. Симферополь, 16-17 октября 1999 г.). Симферополь: Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского, 2000.
11. Орехов В. В. В лабиринте крымского мифа. Крымский миф в русской культуре первой половины XIX в.: монография. Симферополь: Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского, 2017.
12. Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы: избранные труды. СПб.: Искусство-СПб, 2003.
13. Шеянова Е. О. Специфика образа Киммерии в «крымском тексте» второй половины XX столетия (на материале «Крымской антологии») // Русский фольклор Мордовии в контексте мировой культуры: сборник / ред. колл. О. Ю. Осьмухина, М. А. Тростина, С. П. Гудкова. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2023.

Информация об авторах | Author information

Гудкова Светлана Петровна¹, д. филол. н., доц.

Шеянова Елизавета Олеговна²

^{1,2} Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева, г. Саранск

Svetlana Petrovna Gudkova¹, Dr

Elizaveta Olegovna Sheyanova²

^{1,2} National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk

¹ sveta_gud@mail.ru, ² sheyanovali1605@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 15.07.2024; опубликовано online (published online): 04.09.2024.

Ключевые слова (keywords): образ Крыма в современной поэзии; крымский текст; крымская антология; крымский миф в лирике второй половины XX века; топический свертхтекст; image of Crimea in modern poetry; Crimean text; Crimean anthology; Crimean myth in the lyrical poetry of the second half of the 20th century; topical supertext.